

ХУТЫНСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ-РЕЛИКВИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII в.

В ризнице новгородского Хутынского Варлаамова Спасо-Преображенского монастыря, основанного в 1192 г. на правом берегу реки Волхов, находились несколько предметов, некогда принадлежавших, по преданию, преподобному Варлааму. В их числе были металлический восьмиконечный крест, фелонь «из кофейного шерстяного мухояра с оплечьем из вишневого травчатого атласа», подрясник «из кофейного стамеда на крашенной подкладке», епитрахиль «из кофейного мухояра, украшенная шитыми золотом и мелким жемчугом херувимами и серебряными крестами и дробницами», поручи, «шитыя золотом и шелком по тафте», и власяница, «вязанная из конского волоса, с подкладкой около шеи из толстой холстины».¹ Судить о подлинности всех упомянутых меморий в целом затруднительно, поскольку большая часть их описаний не издана. Но некоторые из них (крест, епитрахиль) уже по их типологии следует отнести ко времени позже той эпохи, когда жил основатель Хутынского монастыря.

Из перечисленных предметов наиболее известны поручи, несомненно древнего происхождения. Их описанию и установлению принадлежности посвящена первая часть настоящей работы. Во второй идет речь о происхождении рукописного Служебника, тоже традиционно связываемого с именем преп. Варлаама Хутынского, что отражено в соответствующей помете на листах книги.²

1. Поручи золотного шитья

Принадлежность поручей преп. Варлааму не доказана, и, думается, они, скорее всего, принадлежали иному, не менее известному лицу, занимавшему более высокое место в новгородской церковной иерархии.³

Традиция приписывания поручей преп. Варлааму зафиксирована уже монастырской описью 1642 г.⁴ Ей следовал архимандрит Макарий (Миролюбов),⁵ а за ним — позже упоминавшие об этих предметах авторы.⁶ В результате в литературе прочно закрепилось наименование данных произве-

¹ Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 572. № 556.

² В основу этого раздела положен текст доклада «О происхождении Хутынского Служебника (ГИМ. Син. 604)», прочитанного в феврале 1984 г. в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея в Москве. Краткое изложение выводов см.: Пуцко В. Г. Книжкова продукція кївських та південно-західних скрипторіїв XI—XIII ст. // Писемність Київської Русі і становлення української літератури: Збірник наукових праць. Київ, 1988. С. 22.

³ Предварительные выводы см.: Пуцко В. Г. Древние поручи из Хутынского монастыря // Чело. 1996. № 2 (9). С. 11—14.

⁴ Макарий, архим. Описание новгородского Спасо-Хутынского монастыря 1642 года // ЗОРСА. СПб., 1857. Т. 9. Вып. 2. С. 508.

⁵ Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. С. 340.

⁶ Литературу см.: Средневековое лицевое шитье: Византия. Балканы. Русь: Каталог выставки / Сост. Н. А. Маясова. М., 1991. С. 22. Кат. № 2.

дений лицевого шитья как поручей Варлаама Хутынского, соответственно датированных XII в. и локализованных Новгородом. Казалось, ничто не противоречит такому определению, тем более что и «фигуры здесь по-новгородски приземистые».⁷ Однако, судя по поставленной под вопрос принадлежности поручей Варлааму при устройстве выставки в Москве в 1991 г., какие-то сомнения в этом все же появились.

О преп. Варлааме Хутынском, предполагаемом заказчике поручей, дошли довольно скудные исторические сведения: достоверно известно лишь, что он был новгородцем и в миру носил имя Алекса Михалевич; что основал монастырь незадолго до смерти, последовавшей в 1193 г.⁸ Только в 1192 г., по свидетельству Новгородской первой летописи, он построил храм: «постави църковь вънизу на Хутине Варлам църнець <...> въ имя святого Спаса Преображения», простоявший до возведения нового в 1515 г. В Новгородской третьей летописи под 1505 г. замечено: «после первого строения церкви каменной Спаса минуло 312 лет», т. е. речь идет о 1193 г. По-видимому, это был четырехстолпный храм.⁹ Как известно, уже В. О. Ключевский обратил внимание на то, что в пространной редакции Жития преп. Авраама, не встречающейся раньше XV в., есть известие о возвращении из Константинополя Антония, после чего преп. Варлаам «преда в руце его монастырь».¹⁰ Упомянутое же посещение Антонием византийской столицы предположительно относится к 1200 г. Конечно, можно согласиться с известным исследователем древнерусских житий святых и в том, что следует считать анахронизмом то, что «во всех известных нам списках древнего жития хоронит Варлаама владыка Антоний», поставленный в этот сан в 1211 г.¹¹ По иной версии, столь же ненадежной, речь должна идти о преп. Антонии Дымском, скончавшемся в 1224 г.¹² Дискуссионным является и вопрос о том, малую или же каменную, достоявшую до 1515 г., церковь заложил преп. Варлаам в своем монастыре в 1192 г. Имел ли он при этом возможность заказать для себя поручи, требовавшие затрат и времени для выполнения?

Эти произведения золотного шитья до 1926 г. хранились в монастырской ризнице, а затем поступили в Новгородский музей, где находятся и теперь (инв. № 1626 а, б). Поручи близки по размерам (28.0 × 45.0 и 27.0 × 45.5 см), по иконографии, стилю и манере выполнения, но при всем том обнаруживают и некоторые различия, как свойственно индивидуально изготовленным вещам. Не исключено, что одна из поручей могла послужить образцом для второй, отличающейся более грузными фигурами, нарушением строгой симметрии, наиболее заметным в размещении фигур в пространстве арок и

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Дмитриев Л. А. Житие Варлаама Хутынского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 138—139.

⁹ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников // САИ. Л., 1982. Вып. Е 1—47. С. 75. Кат. № 118.

¹⁰ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 59. Ср.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 13—17.

¹¹ Дмитриев Л. А. Житийные повести... С. 15—16; см. также: Белоброва О. А. Антоний // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 39—40.

¹² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых... С. 144—145.

в орнаментике, а также крупными монограммами и сопроводительной надписью. Вполне возможно, что иные, не упомянутые здесь отличия обязаны уже реставрационным вмешательствам, которых за несколько столетий практически не могло совершенно избежать ни одно из произведений средневекового литургического шитья. В литературе особо отмечено, что жемчуг, которым выделены контуры фигур и их некоторые детали, положен непосредственно на ткань без настила.¹³ Правда, существует и предположение о том, что не совпадающая с контурами рисунка жемчужная обнизь, возможно, более поздняя.¹⁴

Суждения о первоначальном виде поручей из Хутынского монастыря затрудняет и то обстоятельство, что почти полностью утрачено личное шитье, лишь фрагментарно сохранился первоначальный фон, и поэтому изображение перенесено на новую темно-синюю шелковую ткань; имеет частичные утраты и золотное шитье. Однако все же неповрежденными остались общая композиция, фигуры и растительная орнаментика с двумя лентами крупного узора с мотивом плавно и ритмично изогнутого стебля с круглящимися отростками, заканчивающимися пятилепестковым цветком; столпы или колонны аркады заполняет стебель с трехлепестковыми кринами, как и плоскость самих арок, в промежутке между которыми помещены крупные трилистники; прямоугольные капители — с перевивами.¹⁵ Ажурность орнаментального шитья делает его легким, в отличие от плотно зашитых прядеными золотыми нитями «на проем» фигур. Покрой поручей оставял место как бы для продолжения аркады, и, чтобы избежать своеобразных пустот, похоже, был найден логичный выход в заполнении пространства тем же узором. В шитье первой поручи (рис. 1) он распределен почти равномерно, тогда как во второй (рис. 2) симметрия нарушена, и поэтому крупные растительные завитки помещены лишь слева. И вообще орнаментика здесь производит впечатление более крупной — за счет иных пропорций в самом рисунке, а не ее размеров.

Иконографический мотив аркады встречается уже в раннехристианском искусстве, в частности в резьбе мраморных саркофагов, где можно видеть вписанные в арки фигуры Христа и апостолов.¹⁶ А позже своеобразную интерпретацию данного мотива могли предложить каролингские резчики по слоновой кости,¹⁷ равно как и византийские, выполнившие около 972 г. эпистилий с деисусной композицией, со стоящим в рост Христом в центре.¹⁸

¹³ См.: Якунина Л. И. Русское шитье жемчугом. М., 1955. С. 34. Рис. 12, 13; Рябова М. П. Восстановление и реконструкция древнерусского шитья // Восстановление памятников культуры (Проблемы реставрации). М., 1981. С. 214.

¹⁴ Средневсковое лицевое шитье... С. 22.

¹⁵ См.: Манушина Т. Н. К вопросу об орнаментике в произведениях русского шитья XII—XV вв. // Древнерусское художественное шитье: Материалы и исследования. М., 1995. С. 161—163. Ил. 1 (Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». X).

¹⁶ Volbach W. F. Frühchristliche Kunst. München, 1958. S. 77—78. Abb. 174, 175; Grabar A. Christian Iconography. A Study of its Origins. New York, 1968. P. 43. Fig. 100.

¹⁷ Karl der Grosse: Werk und Wirkung. Aachen, 1965. S. 254, 341—342. Abb. 96, 97, 101. N 518, 522, 527.

¹⁸ Weitzmann K. Die bysantinischen Elfenbeine eines Bamberger Graduale und ihre ursprüngliche Verwendung // Studien zur Buchmalerei und Goldschmiedekunst des Mittelalters. Festschrift für K. H. Usener. Marburg an der Lahn, 1967. S. 11—20.

О популярности мотива в Византии говорят его отголоски в книжной иллюминации XI в.¹⁹ В романском искусстве он представлен в стенописях,²⁰ металлопластике²¹ и фасадной каменной резьбе,²² а также в изделиях из кости.²³ Встречается этот мотив и в золотном шитье.²⁴ В собственно византийской скульптуре подобный деисус с аркадой неизвестен, если только не считать таковым мраморный рельеф, иногда относимый к XII в., появившийся в Сан-Марко в Венеции после 1204 г.²⁵ (рис. 3). В фасадной скульптуре Владимиро-Суздальской Руси аркатурный пояс с фигурами святых появляется в Дмитровском соборе во Владимире и затем получает разработку в связи с деисусной композицией, со стоящим Христом, в резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, датируемой 1230—1234 гг.²⁶

1. Поручи из Хутынского монастыря. Первая четверть XIII в. Первая поручь

¹⁹ Grabar A. Un rouleau liturgique constantinopolitain et ses peintures // Grabar A. L'art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Age. Paris, 1968. P. 470. Pl. 121.

²⁰ Demus O. Romanische Wandmalerei. München, 1968. Taf. XXXIII, 165, 166, 195, 208, 223. Abb. 15, 67, 68.

²¹ Rademacher F. Der thronende Christus der Chorschranken aus Gustorf. Köln; Graz, 1964. S. 22. Abb. 12; Lasco P. Ars Sacra. 800—1200. Baltimore, 1972. Fig. 157, 179, 213, 237, 242, 266, 276, 293—295.

²² Möbius F. Romantische Kunst. Berlin, 1969. Taf. 44, 56, 79, 154, 183.

²³ The Year 1200: A Centennial Exhibition at the Metropolitan Museum of Art. New York, 1970. Vol. 1. P. 63—65. N 71, 72.

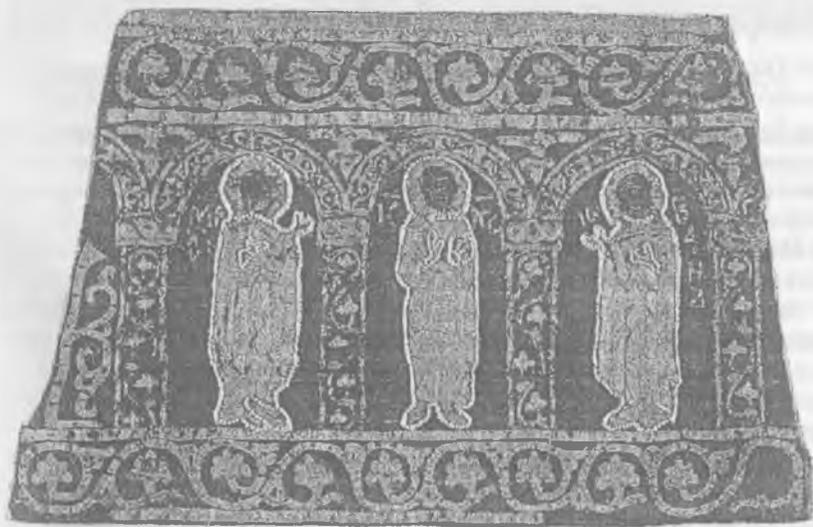
²⁴ Bertelli C. Opus Romanum / Kunsthistorische Forschungen O. Pächt zu seinem 70. Geburtstag. Wien, 1972. P. 104. Ill. 6.

²⁵ Dumus O. The Church of San Marco in Venice: History — Architecture — Sculpture. Washington, 1960. P. 122. Fig. 32. См. также: Lange R. Die byzantinische Relieffikone. Recklinghausen, 1964. S. 52—54. Abb. 7; Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age. T. 2 (XIe—XIVe siècle). Paris, 1976. P. 121. Pl. XCII. № 117.

²⁶ Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: г. Юрьев-Польской. М., 1964. С. 32—33. Рис. 13. Табл. XIX.

Идентичные представленному в шитье поручей из Хутынского монастыря варианты деисуса известны как по византийским, так и по русским памятникам. Выбор сюжета для украшения хутынских поручей явно не был случайным, а отражал стремление к молитвенному предстоянию перед Христом подобно неусыпным молитвенникам — Богородице и Иоанну Предтече.

Поручи, или нарукавницы (греч. «эпиманика»), служат неперменной принадлежностью литургического облачения епископа, священника и диакона, надеваемой на зарукавье или запястье. Для лиц епископского и иерейского сана это, наряду с епитрахилью, самая употребительная часть священных одежд, и поэтому случаи сохранения поручей единичны. Так, древность выполненных в технике золотного шитья сербских поручей — не ранее XV в.,²⁷ а греческих — XVI в.,²⁸ Следовательно, хутынские поручи, традиционно датируемые XII в. и рассматриваемые как новгородские по происхождению,²⁹ являются самыми ранними, отражающими византийскую художественную традицию. Попутно надо заметить, что на более поздних поручах балканского происхождения встречаются иные сюжеты: Евхаристия, Христос Великий Архиейер со святителями, Троица, Благовещение. Русские поручи XV в. из ризницы Троице-Сергиевой лавры, вышедшие из придворной мастерской Софии Палеолог, украшают изображения

2. Поручи из Хутынского монастыря. Первая четверть XIII в. Вторая поручь

²⁷ Стоянович Д. Уметнички вез у Србији од XIV до XIX века. Београд, 1959. № 8, 9, 12, 29, 59, 61.

²⁸ Johnstone P. The Byzantine Tradition in Church Embroidery. London, 1967. Fig. 19—28.

²⁹ Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1899. Вып. 6. С. 170—172. Рис. 210; Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.; Л., 1947. С. 129. Табл. 130 б; Свириц А. Н. Древнерусское шитье. М., 1963. С. 25, 27. Ил. на с. 25; Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X—XIII ввек. Л., 1971. С. 87. Ил. 119.

3. Десус. Мраморный рельеф. Первая половина XIII в. Венеция. Собор св. Марка.

Благовещения и святых.³⁰ Не исключено, что сюжеты с многофигурной композицией появляются на поручах византийского круга только с палеологовского времени, которому предшествует выполнение описываемых здесь образцов.

При всей своей оригинальности и неповторимости поручи из Хутынского монастыря с их лицевыми изображениями все же не занимают совершенно изолированного места в истории средневекового литургического шитья. Ближайшей им стилистической аналогией служит известная большая пелена с Распятием, по широкой кайме которой расположены медальоны с погрудными образами Христа и апостолов. Принятая датировка ее — последняя четверть XII в., и предполагаемое первоначальное местонахождение — Юрьев монастырь в Новгороде.³¹ Дискутировать вопросы локализации подобных памятников византийского стиля при их немногочисленности весьма затруднительно, и существующее предположение о выполнении ее именно в Новгороде — не более чем догадка, связанная с местом находки. Теоретически эта пелена, отличающаяся хорошим рисунком, искусным шитьем и славянскими грецизированными сопроводительными надписями,

³⁰ Манушина Т. Н. Художественное литье в собрании Загорского музея. М., 1983. С. 84—85. № 26, 27.

³¹ Ефимова Л. В. 1) Шитая пелена «Распятие с предстоящими», XII в., в собрании Исторического музея // Русское искусство XI—XIII ввков. М., 1986. С. 128—135; 2) Памятник древнерусского шитья с надписями XII в. из собрания ГИМ // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 59—62.

могла выйти лишь из мастерской, которая была укомплектована очень квалифицированными художниками и вышивальщицами, перенесшими византийский опыт, причем в его элитарном варианте, на русскую почву. Может быть, все это действительно происходило в Новгороде, хотя нельзя отрицать и возможность миграции как пелены, так и поручей, принадлежащих к одному художественному кругу. И если стилистические особенности золотного шитья не позволяют обосновать догадку в пределах нескольких десятилетий, то логичнее сделать это с учетом иконографии и стиля представленных изображений, отличающихся довольно характерными признаками, свойственными именно первой четверти XIII в.

Иконографическая схема распятия, включающая увеличенное количество предстоящих и полуфигуры скорбящих ангелов, известна уже со второй четверти XII в.³² Однако тенденции к нарастанию динамизма, отчетливо проявляющиеся на рубеже XII—XIII вв., определяют стиль таких произведений, как фрески церкви Богоматери в Студенице, датируемые 1208—1209 гг.³³ Следует также обратить внимание на формы голов апостолов, изображенных в медальонах, идентичные встречающимся, скажем, в эрмитажных фрагментах расписного эпистилия рубежа XII—XIII вв. из Лавры на Афоне.³⁴

Исторически связанные с Новгородом упомянутые образцы золотного шитья сближаются с фрагментарно сохранившейся принадлежностью богослужебной одежды (возможно, епитрахили), обнаруженной в 1936 г. при раскопках в алтарной части Антониево-Феодосиевского придела Софийского собора в Киеве (погребение № 15).³⁵ Здесь оказались изображения Богоматери Оранты, архангелов и святителей, вышитые на шелковой ткани коричневого цвета. Основные плоскости фигур выполнены металлической нитью «в прокол», лица, волосы, обувь, контуры фигур — шелковой соответственного тона, детали облачения (кресты на омофорах) — «в прикреп». Эти изображения (рис. 4), отличающиеся стройными пропорциями, в техническом отношении принципиально схожи с шитьем хутынских поручей. Вряд ли между ними можно заметить и хронологическое различие. К сожалению, датировка киевской находки оказалась проблематичной, поскольку известно, что киевских митрополитов хоронили в Софийском соборе до 1281 г. Правда, все же трудно предположить выполнение подобного облачения для митрополита Кирилла между 1249—1281 гг.: сомнительно, что в этот период в Киеве продолжалась работа мастерских, из которых выходили такие изысканные изделия.

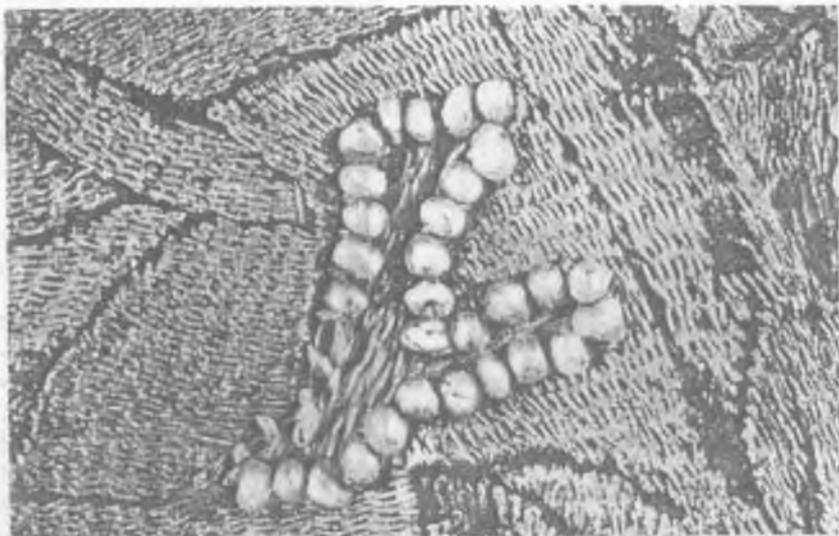
Характеризуя названные предметы литургического шитья, к сожалению, крайне трудно сказать что-либо определенное о выполненных шелковой ни-

³² Weitzmann K. Icon Painting in the Crusader Kingdom // *Dumbarton Oaks Papers*. N 20. Washington, 1966. P. 53—54. Fig. 5—7.

³³ Mandić S. The Virgin's Church at Studenica. Beograd, 1966. Pl. 2, 4—15.

³⁴ Лазарев В. Н. Византийская живопись. М., 1971. С. 110, 111 (ил.).

³⁵ Новицька М. О. 1) Давньоруське гаптування з фігурними зображеннями // *Археологія*. Київ, 1970. Т. 24. С. 88—89; 2) Вышивки золотом с изображением фигур, найденные при раскопках в Софии Киевской // *София Киевская: Материалы исследований*. Киев, 1973. С. 62—67.

4. Фрагмент шитой спитрахили (?) из погребения в Софийском соборе в Киеве. Первая треть XIII в. Кисв. Национальный заповедник «София Киевская»

тью лица, кистях рук по причине неудовлетворительной сохранности материала. В лучшем случае перед нами полуразрушенные фрагменты или почерневшие коричневатые пятна, на плоскости которых с трудом угадываются контуры обозначавшего черты лица рисунка. Кисти рук видимы как силуэт либо опознаются по контуру, выделенному жемчужной нитью, что имеет место на поручах из Хутынского монастыря.

Итак, из проведенных сравнений можно убедиться в том, что в плане иконографии воспроизведенный на поручах деисус не имеет каких-либо существенных отличий от византийской схемы. Хронологические рамки популярности мотива аркады в Византии и на романском Западе в целом слишком широки, но на русской почве он прослеживается в архитектурной резьбе лишь с рубежа XII—XIII вв. Вышитые фигуры деисусной композиции, аркада и орнамент скорее воспринимаются в качестве аппликации. Шитье прядеными золотными нитями «на проем» создает впечатление ровной поверхности, на которой складки одежды скорее лишь намечены тонкой графической линией, обозначенной стежками темного шелка. В Византии волооченое золото стали заменять пряденым после XI в., и основу составляла уже не проволока, а льняная нить, обвитая тонкой металлической полоской. Производством таких нитей наиболее был известен остров Кипр, с 1192 г. принадлежавший латинским рыцарям, и поэтому изделия стали известны как «золотые кипрские нити» — *aurum filatum cyprense*.³⁶ Именно в такой технике выполнены уже упомянутые сюжетные вышивки. Известна она и на Западе, о чем, в частности, свидетельствует изготовленное в середине

³⁶ Соболев Н. Н. Очерки по истории украшения тканей. М.; Л., 1934. С. 54.

XIII в. изображение тронной Богоматери с Младенцем, святыми и коленопреклонным донатором в соборной сокровищнице Лиона.³⁷

Применительно к описываемым поручам надо заметить, что по своему типу и общему характеру художественного исполнения они являются епископскими, и вряд ли их заказчиком и первым владельцем мог быть недавно основанный свой монастырь преп. Варлаам Хутынский. История этой обители, однако, теснейшим образом связана с новгородской аристократией. Только в течение первой половины XIII в. здесь приняли монашеский постриг несколько бояр, в числе которых был и недавно вернувшийся из путешествия в Константинополь Добрыня Ядрейкович, написавший «Книгу Паломник», повествующую о святых и достопримечательностях византийской столицы до ее разграбления крестоносцами в 1204 г., получивший имя Антоний.³⁸ В 1211 г. он уже стал новгородским архиепископом и занимал здесь архиерейскую кафедру до 1220 г., а затем, повторно, еще в 1226—1228 и 1229 гг.³⁹ Больной, потерявший дар речи, он вернулся в Хутынский монастырь, на место своего пострижения, где и скончался в 1232 г. После него должны были остаться книги и предметы архиерейского облачения. В их число, естественно, могли входить и шитые поручи, выполнение которых в хронологических пределах первой четверти XIII в. представляется наиболее реальным. Со временем их стали рассматривать как принадлежавшие широко почитаемому в Новгороде, а позже и в Московском государстве преп. Варлааму.

2. Лицевой Службеник

Рукопись известна в литературе как Службеник преп. Варлаама Хутынского, и ее, соответственно, принято относить к концу XII в.⁴⁰ Предание о принадлежности ее преп. Варлааму зафиксировано в заметке скорописью XVII в., одновременно свидетельствующей о присылке книги из Царьграда патриархом Никифором (л. 1А), что вызывает сомнение в достоверности

³⁷ *Wixom W. D. Treasures from Medieval France.* Cleveland, 1967. P. 152—153. N IV—19.

³⁸ *Белоброва О. А.* Антоний. С. 39—40; *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (X—XVI вв.) М., 1986. С. 71.

³⁹ *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодалной республики. М., 1980. С. 42—45, 166.

⁴⁰ *Савва*, архим. Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858. С. 250—251; *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. III. Ч. I. С. 5—11. № 343; *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1916. Т. 2. С. 122, 127; *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. I // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 151—152; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 187—188. № 167 (рукопись отнесена к концу XII—началу XIII в.). Ср.: «Предание о принадлежности рукописи какому-нибудь историческому лицу, записанное более или менее поздно, не должно быть принимаемо в расчет при суждении о рукописи, как не имеющее достаточного основания. Мы, например, имеем два Службеника, по преданию, один преп. Антония Римлянина, другой преп. Варлаама Хутынского; оба они не могли принадлежать этим святым, так как, судя по всему, написаны позднее времени их жизни» (*Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908. С. 37).

предания. На л. 29 об. находится запись полууставом XVII в. о том, что Варлаам «преставися» в 6751 (1243) г. Между тем в списке константинопольских патриархов числятся лишь Никифор I (806—815) и Никифор II (1260), которые, естественно, не могли быть дарителями.

Вывод о новгородском происхождении рукописи основан как на ее принадлежности Хутынскому монастырю, так и на указании помянуть на ектениях архиепископа, который в домонгольский период русской истории был, как известно, только в Новгороде. А. И. Некрасов был склонен видеть отзвуки южного искусства в украшающих Служебник миниатюрах и предполагал происхождение книги из Полоцко-Смоленского княжества в XIII в.⁴¹ В последнее время рукопись принято локализовать Галицко-Волынскими землями.⁴² Это мнение основано на стилистическом характере миниатюр, данные анализа которых, однако, большей частью остались не согласованными с иными признаками, отмечающими рукопись.

Хутынский Служебник (Москва, ГИМ, Син. 604) является одним из наиболее ранних славянских списков книги этого содержания. Книга размером 245 × 195 мм имеет всего 29 пергаменных листов. Текст написан уставом, в один столбец, по 26—27 строк на странице, двумя основными почерками. Тексты рукописи были предметом специального исследования.⁴³

В XVI в. хутынская рукопись Служебника подверглась реставрации, при которой были поновлены миниатюры фронтисписов на л. 1А об. и 10 об., позолочены большие заставки старовизантийского стиля на л. 1 об.—2, 11, 11 об.—12, 19 об.—20, 27 об.—28 (рис. 5—11), наиболее радикально переработана первая заставка, заполненная ренессансным орнаментальным мотивом, под которой появился типологически соответствующий ее новому виду золотой инициал. Судя по типу орнаментики, реставрация осуществлена в середине XVI в.⁴⁴ В 1675 г. книга уже числилась в описи Патриаршей библиотеки, будучи изъятый из Хутынского монастыря будто бы для сверки при никоновском исправлении книг. Но, как позже выяснилось, эта и подобные ей ранние рукописи нужны были лишь для создания видимости правки по древним образцам, потому что в действительности тексты правили по

⁴¹ Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937. С. 139. Рис. 86 (л. 10 об.). См. также: Воронин Н. Н., Лазарев В. Н. Искусство западнорусских княжеств // История русского искусства. М., 1953. Т. 1. С. 326, 328.

⁴² Потова О. С. 1) Галицко-волынские миниатюры раннего XIII века // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 314—315; 2) Миниатюры Хутынского Служебника раннего XIII в. // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 274—289; Запаско Я. П. 1) Рукописна книга як попередник української друкованої книги // З історії книги на Україні. Київ, 1973. С. 80; 2) Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995. С. 39, 40, 213—214. № 27 (XII—XIII вв. Галицко-Волынские земли).

⁴³ Рубан Ю. И. 1) Служебник Варлаама Хутынского (ГИМ, Син. 604/343, конец XII—начало XIII в.): Описание, тексты, комментарии (Euchologion (Sluzebnik) Sancti Barlaami Chutynensis, finis XII—initium XIII seculi. — Muscum Historicum Nationale (Mosquae). Sectio librorum manuscriptorum. Collectio synodalis, n 604/343) // Учен. зап. Российского Православного университета апостола Иоанна Богослова. М., 1996. Вып. 2. С. 99—129; 2) Древнейшая русская литургия // София. 1998. № 4. С. 11—14; 3) Молитвы Служебника Варлаама Хутынского // София. 1999. № 3. С. 13—15.

⁴⁴ См.: Зацепина Е. В. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента // У истоков русского книгопечатания. М., 1959.

5. Святитель Василий Великий. Миниатюра Хутынского Службника.
Л. 1 об. Москва. ГИМ

СЛОВО СГО. ВАСИЛІА

УНИВЪСПИСАНЪ. ВОИВАНОВЕ СЛУЖЕТ.
СЛУЖЕТИМУ. СТВАСНАНА

ВѢСТЫН ПОИВІА ИВЪСТУХЪ. ИЖЕ ТАБЪСТАВЛА
МЪ СЕРФИМЪ ВЪРЪВАЕМЪ. И СЪВЪСТАВ
СЛЪВ СЛОВИМЪ И ОБСАКА ИМЕНЪ И СНАМ
ПОКЛАНАИМЪ. ПРИБЕДЫ И ОНЪ СЪТІИ
ВЪ СЪТІИ НЕСА. СОЗДАВЪ И ТАБКА И ОВЪ
КЪ СЪВІА И УН ПОИДОВНЪ. И СЪВЪСТАВІИ И ТЪ
НАВЪСТАВІИ И УКРАМЪ. И ДЛА ПРΟΣΑΙ ΠΕΛΛΕ
МАТЪ И ДА ЗУМЪ. И И ПРЪЗРАСТЪ ГЪША ПЦА
И ТІКА ГАН И ПОЛОЖЪ И СІИИ. И СОДЪВА И
НА СЪВЪСТАВІИ И СЪВЪСТАВІИ И СЪВЪСТАВІИ
ХЪ. ВЪСТАВІИ И ТІИ ПРЪДЪСТАВІИ И ТІИ ГЪ
РЪВНІКА. И ДЛА ЖИВІИ ТЪ И СНАМ И И
СЛАВ СЛОВИ И ПРІНОСІИ. ТЪ И ДКОТІИ И

6. Заглавный лист литургии Василия Великого. Хутынский Службеник. Л. 1

САУБА. С҃ГО. НВО. ЗАЛТОУ

СТАГО. КОСЪ СОУДОХ РАНИЛЬНИИИ.
ДИГАКОМЪ. ХОТЯ РЪЗАТИ ПРОСКОУРОУ.
ПРЕХРГНТЬ. ТРИШЬ ДЪИНО ЖЕЛЪ.
ИРЪЖА. ГАТЬ СЕ :

ИЖКО БЪУА НАЗАКОЛНИИ БЕДЕСА. НЕКО АГНИЦЬ
ПРАЛЛЕСТРИГОУЩЕЯЛОУБЕЗЪ ГАЛЕНЪ. ТАКО НЕО
КЕРДАНТЬ ОУСТЪ БОНЪ СЪ СЛЪРТИИИГО. СУДЬ ИГО
БЪЗАТЬ СЪ ЛРДЪНГО КТО СПОКЕСТЬ. ИАКО БЪЗЛА АЕ
ТЫ СЪ ОДЕВЛА ЖИВОТЪ ИГО. НЪ ИНА ПРАИ :

РЪ РЪЗЛА ДЪ ИСТОЛЪ ГАТЬ : ---
ДЕТЬ СЪ АГНИЦЬ ИИИ КЪЗЕЛА АИ РЪХЪ И СЪ ГАЛЛА
ВСИГО ДАНЪ ИНА ПРАИИИ : ---
А КЪ ГАВНО ИИИ КОДОУ БЪУАШГО :

КОПИИЛА КЪ ПРОКОДИТЬ СЪ ИИИ ДЕРЛЪ БОА. ИИИ ИДЕ СЪ
БЪИИ КОДА. ИИИ ДЕ БЪ ИИИ СЪ ДИТЕ СЪ ВЪ БОА. ИИИ ИИИ

8. Заглавный лист литургии Иоанна Златоуста. Хутынский Служебник. Л. 11

греческому Евхологию венецианского издания и если порой и привлекали старые славянские тексты, то очень выборочно.

Хутынский Служебник имеет сравнительно большой для рукописей аналогичного содержания формат, и его роскошное оформление указывает на предназначенность книги для лица, скорее всего, епископского сана, хотя в строгом смысле этого слова ее невозможно назвать архиерейским Служебником или Чиновником, состав которого так и не приобрел стабильности.⁴⁵ Косвенное указание на принадлежность архиерею можно видеть и в сокращенных записях прошений при ектениях, при епископском служении произносимых диаконом; и хотя перед возгласами и молитвами указано, что их читает «поп», это не меняет существа дела. Количество сохранившихся славянских списков Служебника невелико: вследствие постоянного употребления они ветшали и не сберегались. Сохранялись они преимущественно там, где рано вышли из употребления, как, например, в монастыре Св. Екатерины на Синае.⁴⁶ Примечательно сохранение на русской почве списков-реликвий, связанных с именами преп. Антония Римлянина (Син. 605), митрополита Киприана (Син. 601) и преп. Сергия Радонежского (Син. 952), хотя в действительности не все они принадлежали указанным лицам.

Записанное в XVII в. предание о принадлежности Служебника Син. 604 преп. Варлааму Хутынскому при изучении самой рукописи не находит подтверждения. Каллиграфическое искусство письма, со всеми палеографическими признаками рубежа XII—XIII вв., лишено каких-либо локальных новгородских особенностей. Нет их и в характере орнаментального оформления. Инициалы типологически более близки украшающим литургические рукописи галицко-волынского происхождения.⁴⁷ Хорошие стильные почерки, которыми переписан Хутынский Служебник, указывают на его выполнение в книгописной мастерской, где работали опытные писцы. Их письмо обладает всеми признаками, отличающими именно галицко-волынскую книжность XII—XIII вв.⁴⁸ К тем же выводам склоняет и правописание с характерными южнорусизмами (замена «ять» на «е»). Как известно, отца преп. Варлаама Хутынского звали Михаилом, и при условии выполнения рукописи для этого игумена естественно было бы видеть данное имя внесенным вместе с иными в текст литургической молитвы по возношении даров. Но там его нет, и читаются другие: «помяни вся усопшая — Иоана, Аньну, Никифора, Купрьяна, Гаврила, Аньну, Орину» (л. 15 об.).

Из всех аргументов в пользу новгородского происхождения рукописи труднее всего было бы, пожалуй, отвести указание на поминание на екте-

⁴⁵ Чиновник архиерейского священнослужения. М., 1982—1983. Т. 1—2. См. рецензии: Журнал Московской Патриархии. 1983. № 2. С. 80; № 11. С. 80.

⁴⁶ См.: *Tarnanidis I. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St Catcrine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988. P. 65—87, 143, 147—148, 171—172, 177—179, 185—190, 207, 210, 212, 219—247.*

⁴⁷ *Свенцицкий I. Опис рукописів: Кириличні пергаміні XII—XV вв. Львів, 1933. Табл. 1, 6, 34—36; Запаско Я. П. Орнаментальне оформлення української рукописної книги. Київ, 1960. С. 31—36.*

⁴⁸ См.: *Колесса О. Південно-Волинське городище і городиські рукописні пам'ятники XII—XIV в. Прага, 1923.*

ниях архиепископа, если не видеть в этом отголосок титула, заимствованного из южнославянского протографа. В первой четверти XIII в. известен случай, когда архиепископ появился на архиерейской кафедре в пределах Галицко-Волынской Руси. Владыка Антоний, поставленный в 1211 г. архиепископом в Новгород, в 1220 г. был изгнан, а на архиерейскую кафедру возведен ранее занимавший ее Митрофан (1201—1210). Поддерживаемому князем Мстиславом Удалым Антонию так и не удалось отстоять свои права: оба претендента были посланы на суд митрополита, который решил дело в пользу Митрофана. Антоний же получил кафедру в Перемышле и занимал ее до своего возвращения в Новгород в 1225 г., при изменившейся политической обстановке. Следовательно, Служебник Син. 604 в период 1220—1225 гг. мог быть переписан в перемышльской книгописной мастерской при архиерейской кафедре Антония и вместе с ним затем появиться в Новгороде. Не дожидаясь нового изгнания, архиепископ Антоний при следующем изменении обстановки уже добровольно ушел «на Хутино к святому Спасу».⁴⁹ И еще раз, как известно, возвращенный на кафедру, он в 1228 г. окончательно поселяется в Хутыньском монастыре и живет там до самой смерти. Так оказался там описанный Служебник, позже выдаваемый за меморию преп. Варлаама Хутынского, почитаемого в Новгороде уже с конца XIII в.

Анализ письменных источников, касающихся преп. Варлаама Хутынского и архиепископа Антония, послужил предметом специального исследования.⁵⁰ В данном случае остается лишь подчеркнуть, что оба они являлись незаурядными личностями, и участие владыки в новгородской церковно-политической борьбе отнюдь не значит единственным делом его жизни. Значительно больше он известен как замечательный писатель-путешественник, автор книги, содержащей подробное и увлекательное описание Константинополя, его храмов и монастырей, в том числе главной святыни византийской столицы — Софии Константинопольской.⁵¹ Это произведение, богатое сведениями о христианских реликвиях и памятниках искусства, особенно ценно тем, что дает представление обо всем, чем был наполнен Константинополь до его разграбления крестоносцами в 1204 г. Значение книги архиепископа Антония как исторического источника особенно проявляется благодаря работам позднейших исследователей.⁵² Следует ли удивляться тому, что выполненный для архиепископа

⁴⁹ НПЛ. С. 65, 270.

⁵⁰ См.: *Гордиенко Э. А.* Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в новгородской письменной традиции // *Древняя Русь*. 2003. № 4 (14). С. 16—17.

⁵¹ Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 году / Под ред. Х. М. Лопарева // *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1899. Т. 17, вып. 3 (51-й).

⁵² *Срезневский И. И.* Софья Царьградская по описанию русского паломника конца XII века // *Труды III Археологического съезда*. Киев, 1878. Т. 1. С. 95—109; *Кондаков Н. П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1887; *Айналов Д. В.* 1) Примечания к тексту Книги Паломник Антония Новгородца // *ЖМНП*. 1906. № 6. С. 233—276; 2) Два примечания к тексту Антония Новгородского // *Сб. статей в честь Д. А. Корсакова*. Казань, 1912. С. 181—186; *Majeska G.* The Image of the Chalke Savior in Saint Sophia // *Byzantinologica*. Prague, 1971. Т. 32. P. 284—295.

Антония Служебник украсили изысканные по исполнению миниатюры, позволяющие судить о достижениях позднекомниновского искусства Византии?

В настоящее время в рукописи находятся миниатюры с изображениями св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста, каждая перед началом надписанных их именами литургий. Но первоначально была и третья, с изображением св. Григория Двоеслова, перед л. 20 с началом литургии Преждеосвященных Даров. Мнение о поновлении миниатюр и заставок в настоящее время, после обследования рукописи в 1992 г., оспаривается. Различие суждений — не редкость среди историков средневекового искусства, причем и в более принципиальных вопросах, и здесь вряд ли что могут дать типологические соотнесения с бесконечно варьируемыми в греческих иллюминированных рукописях орнаментальными мотивами. Вряд ли здесь стоит детально описывать и сохранившиеся миниатюры, которым посвящена специальная работа.⁵³ Художник миниатюр представляет константинопольское направление позднекомниновской живописи, и если согласиться с тем, что Служебник мог быть выполнен между 1220—1225 гг., то весьма сомнительна локализация письма и сохранившихся изображений византийской столицей, находившейся тогда под властью франков. Но столичные мастера работали в это время в православных славянских странах. Могли они быть, естественно, и в Перемышльшской епископии.

Святители изображены на миниатюрах так, как их обычно представляют в композиции «Божественная служба», получающей распространение в стенописях балканских и русских церквей со второй половины XII в.⁵⁴ Была она известна также на Волыни, о чем говорят зафиксированные фрагменты алтарных росписей в Успенском соборе Владимира-Волынского.⁵⁵ Остается только сказать о том, что обнаружен также конкретный след работы в этом регионе греческого живописца именно рассматриваемого периода. Речь идет о фрагментарно сохранившейся иконе с изображениями избранных святых, происходящей из верхней церкви Св. Николая в Яворе (Турка),⁵⁶ на которой представлены два ряда фигур мучеников, святителей и апостолов. Несмотря на посредственную сохранность, все же можно вполне проследить характерные черты индивидуальной манеры мастера, легко и непринужденно моделирующего форму. Конечно, работали греческие художники и в Новгороде, где тем не менее трудно представить в то же самое время сочетание рассматриваемых исторических и индивидуальных факторов.

Таким образом, шитые поручи и украшенная миниатюрами рукопись Служебника, традиционно связываемые с именем преп. Варлаама Хутынского,

⁵³ *Попова О. С.* Миниатюры Хутынского Служебника раннего XIII в. С. 274—285.

⁵⁴ *Бабиш Г.* Христорошке распре у XII веку и појава нових сцена у апсидалном декору византийских цркава // *Зборник за ликовне уметности.* Нови Сад, 1966. Кн. 2. С. 9—29.

⁵⁵ *Безсонов С. В.* Архитектура Западной Украины. М., 1946. С. 12—13. Рис. 2.

⁵⁶ *Свенцицька В. І., Сидор О. Ф.* Спадщина віків: Українське малярство XIV—XVIII століть у музейних колекціях Львів. Львів, 1990. С. 7, 49. Табл. 1, 2; *Пуцко В. Г.* Візантійська ікона з села Явори // *Сакральне мистецтво Бойківщини: Наукові читання пам'яті Михайла Драгана. Доповіді та повідомлення.* 25—26 червня 1996 року, м. Дрогобич. Дрогобич, 1997. С. 72—77.

могут оказаться в действительности принадлежавшими новгородскому архиепископу Антонию — выдающейся личности и тонкому эстету, каким он предстает прежде всего по своей Книге Паломник. Если приведенные здесь аргументы убедительны, то названные памятники следует рассматривать как мемории, напоминающие об одном из самых значительных новгородских архиереев и культурных деятелей XIII в.